

Жанна Лебедева

ЛЕШАЯ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
ЛЗЗ

Лебедева Ж.

ЛЗЗ Лешая / Ж. Лебедева — М. : Импринт Эйфория / RUGRAM,
2023. — 354 с.

ISBN 978-5-521-91534-7

Поднял руку муж? Хватай ребенка и беги от него сломя голову! Спасаясь от погони, оказалась в странной сторожке посреди леса? Обживайся и радуйся — ты теперь владелица загородной недвижимости. Чужое начальство перепутало со своей сотрудницей? Не спорь — и вот тебе работа мечты: вдали от суеты и с хорошим жалованием. Нашла под елкой странного незнакомца? Забери его себе — вдруг он зачарованный принц? И главное — ничему не удивляйся и никого не бойся. Ведь ты — лешая. Пусть они сами тебя боятся.

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-91534-7

© Жанна Лебедева, текст, 2023
© Импринт Эйфория,
оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Глава 1 Побег

— Тише, Санечка, тише... Уходим... Вот так...
Соседка Наина Маратовна ненавязчиво, но крепко ухватила Саньку за рукав и потянула прочь от страшной двери, за которой раздавался подобный львиному рыку храп пьяного в стельку Андрея.

— Я не могу... Я боюсь, — прошептала Санька и тихо ойкнула. Под пальцами, зажимающими подбитый глаз, все оплывало. — Больно... Я не могу сбежать, тетя Наина. Если Андрей найдет меня, представляете, что устроит? А он найдет...

— Не найдет. Твой благоверный еще как минимум час будет дрыхнуть так, что из пушки не разбудишь. Надо уходить, милая. Надо. Настало время. — Соседка вытащила из кармана ключи от машины. — Вот. Возьми и уезжай.

— Но...

— Никаких «но», Санечка. Он ведь это не в первый раз, уж я-то знаю. — Наина Маратовна горестно покачала головой. — Ты же понимаешь, что следующий раз может стать для тебя последним, а у тебя ведь дите малое. Не жди, милая. Не терпи.

«Не терпи».

А куда ей деваться?

Санька вытерла грязной от крови ладонью натекающие на подбородок слезы. Всклинула в голос.

— Как же мне не терпеть, если деться некуда? Отец не примет, скажет как обычно: «У тебя муж есть, к нему и ступай. Побил — это потому что у тебя характер такой нестерпимый. За дело, значит...».

— Да уж, незавидная у тебя судьба, — вздохнула соседка, глядя Саньку по плечу. Снова заладила свое: — Уезжай. Без разницы куда. — Тут глаза женщины радостно блеснули. — А знаешь что? Я придумала. Поезжай-ка ты в деревню мою, в Полянкино. Километров двести отсюда будет. Далековато, зато упырь твой точно не отыщет. Домик там хоть и ветхий, но с печечкой. Людей мало, старухи одни да старики, им помощь всегда нужна — так что от голоду вы там с Альбинкой не помрете, подкормят...

И Санька не стала спорить.

— Поеду, — шепнула тихо.

Она хотела прокрасться в комнату и забрать ноутбук, но передумала. В порыве гнева Андрей стукнул по гаджету кулаком и разбил его. Починить теперь вряд ли получится.

Сбежав по ступенькам в прачечную, Санька сгребла в хлопчатобумажную сумку от доставки суши, брошенную кем-то в коридоре, их с Альбинкой нехитрые пожитки. Полетели на картонное дно детский трикотажный спортивный костюм, джинсовые шортики, пара футболок, дутая жилетка, выцветшее дешевое белье. И ее, Санькин, сарафан, который сшила ма- чеха.

Машина, старенький камуфляжной масти «уазик» — покойный муж Наины Маратовны был охотником — стоял во дворе общаги.

Санька открыла дверцу, закинула под брезентовую натяжную крышу сумку и белый рюкзачок из искусственной кожи, в котором хранилась буквально вся ее жизнь: паспорт, права, телефон, документы на ребенка, полупустая кредитка. Вчера

Андрей просадил с нее почти все деньги — из-за того и поругались. В очередной раз. Санька была очень зла — только покрывала долги, а тут...

С работой Саньке не везло катастрофически. С учебой — тоже. Отец все детство величал ее недотепой и тупицей, причем безграмотной — Санька страдала дисграфией, отчего родной язык ей никак не давался. Неспособной к математике ее объявил, ревнуя к мачехе, сводный брат, а Санька поверила, и вырваться в умницы уже не пыталась. Правда, в средней школе ей нравилась ботаника, и в одной из четвертей у нее даже вышла по этому предмету твердая пятерка...

Как итог — дикая неуверенность в собственных силах, с горем пополам оконченная местная сельхозка, неудачная карьера (работа в паре магазинов без перспектив) и быстрое замужество, в которое Санька по наивности сбежала от строгого отца.

Андрей, один из наемных работников папы, на первый взгляд показался ей мужчиной мечты. Брутальный, грубоватый, косая сажень в плечах, голос как рык льва и ревнивый нрав, когда чуть что: «Ар-р-р, моя девочка! Не трожьте!» — именно в таких персонажей влюблялись без памяти героини любовных романчиков, заполонивших мачехины книжные полки в спальне отцовского дома. Вот и Санька...

...не то чтобы влюбилась. Скорее решила, что ей, веснушчатой и невзрачной коротышке, с таким поклонником повезло просто несказанно. И отец масла в огонь подливал:

— Беги в загс, пока берут. И чего только Андрюха в тебе нашел? Столько красавиц вокруг с ногами от ушей, а он на тебя, пигалицу толстозадую, загляделся.

Так Санька замуж и выскочила.

Сначала вроде все и ничего было. Андрей работал, зарабатывал неплохо. Санька устроилась помощницей в собачий питомник, в удовольствие возилась со щенками, зарплату неплохую имела. Так протянули год. Жили у Андреевых родителей, но с ними было туго — невестку ели поедом, и Санька робко

намекнула мужу, что надо бы съехать, она ведь беременна, волноваться нельзя.

Хочется покоя.

Андрей наобещал, что возьмет ипотеку, а сам влез в долги, да еще и с Санькиным отцом умудрился рассориться. В итоге вместо новой трешки, они переехали в купленную Санькой общежитную комнатуху площадью десять квадратных метров.

Туалет и душ на этаже.

Но Санька была и этому несказанно рада. Рождение дочери захватило ее с головой. На прежнюю работу, в питомник, молодую мать не взяли — нашли другого, не обремененного родительством работника. Пришлось снова кочевать по сетевым магазинам.

Санька надеялась, что, став отцом, муж, наконец, остепенится и возьмется за ум, но ничего такого не произошло. Все стало только хуже. Андрей начал пить и поколачивать жену.

Так и жили.

Хотя назвать это существование жизнью у Саньки давно уже не поворачивался язык.

Единственной отдушиной были поездки на дачу к мачехе, тете Ларисе. Та Саньку от себя не гнала, всегда приветчала, поддерживала втайне от отца. Дача у тети Ларисы была на озере. А самое главное, там рос сад, в котором Санька готова была копаться часами. Цветы и фруктовые деревья умиротворяли, а осенью мачеха всегда честно делилась с падчерицей урожаем...

«Уазик» громогласно прокашлялся, завелся.

Санька бросила испуганный взгляд на окно и обомлела от страха.

Андрей стоит и смотрит на нее!

Показалось...

Просто темная занавеска надулась от ветра и приняла на миг очертания мужниной фигуры.

Санька выдохнула облегченно и торопливо вывернула руль, выезжая с тесной стоянки, заставленной машинами соседей. Мимо клумбы из покрышек, в которой между редкими

саженцами бархатцев густо взошла мокрица. Мимо скамейки, сооруженной из доски и двух старых ведер, наполненных цементом. Мимо аляповатой детской площадки с погнутым заборчиком — Андрей как-то по пьяни въехал в него задом своей «Волги».

«Волгу» продали еще в прошлом году, именно поэтому Санька за рулем соседкиного «уазика» чувствовала себя вполне уверенно. Не первый раз одалживала. Наина Маратовна ее даже в страховку вписала...

Дальше — мимо двух молодых вязов на улицу Зинаиды Коноплянниковой. С Коноплянниковой — на проспект, в поток ползущих к центру машин, потом, на большом перекрестке, где постоянно случаются ДТП, — на мост и дальше... Дальше — к окраине города на восток, туда, где в редкие погожие утра, прежде чем отправиться в детский садик, они с Альбинкой наблюдали из окна восходящее над элеватором солнце.

За мостом потянулась бесконечно длинная улица Туполева, упирающаяся в завод ЖБИ. По обеим сторонам дороги высились домики бывшего рабочего поселка, добротные, кирпичные, с претензией на классицизм — треугольные крыши подпирались лопатками, а порой даже и пилястрами. Их красили в белый...

Припарковавшись возле колоннады местного дома культуры, Санька поднялась по ступенькам и вошла в прохладный холл. Альбинка уже ждала ее там, даже сменку передела. Синий мешок с босоножками лежал на соседнем сиденье, рядом с убранный в клетчатый чехольчик скрипочкой.

— Ты рано, мам.

— Ага, — не стала спорить Санька, подхватила скрипку, Альбинку, сменку и быстро зашагала к машине.

Мешок с босоножками на входе уронила — даже не заметила. Хорошо, что вахтерша окликнула и сообщила о потере.

Пока Санька прилаживала к ремню безопасности брезентовый детский удерживатель, Альбинка тараторила без умолку о том, что учительница ее сегодня похвалила за гамму.

— Мам, ты не слушаешь! — выдала недовольно в конце.

— Я слушаю, доченька, — отрешенно пробормотала Санька, соображая, как лучше сообщить ребенку тот факт, что домой они сегодня не поедут.

Альбинка сама догадалась.

— Мам, папа опять дрался, да? — прозвучало неожиданно резко.

Санька попыталась неловко отмазаться от тяжелого разговора:

— Нет, что ты... Все хорошо. С чего ты решила?

— Мам, зачем ты обманываешь? Я же лицо твое вижу.

Точно! Со всей этой суетой Санька совершенно забыла про подбитый глаз. А еще удивлялась, стоя на светофоре, чего это на нее соседние водители так странно косятся?

— Значит, так... — Санька села за руль, пристегнулась, закрыла лицо руками и сидела так несколько секунд, после чего сказала: — Домой мы сейчас, Аль, не поедем.

— А куда поедем? — заинтересованно спросила Альбинка.

Ее большие глаза от любопытства стали совсем круглыми. Паутинистые волоски, выбившиеся из сложной косы, топорщились в стороны, как антенки.

— В деревню к тете Наине. Ехать придется долго, так что ты...

Дочка даже не дослушала.

— Ух ты! — воскликнула восторженно. — Мам, а там ежики водятся?

— Наверное, водятся, — пожала плечами Санька, возвращая «уазик» в автомобильный поток.

— А ужи?

— Должны...

— А волки? Волки там есть?

— Ну, зачем тебе волки-то, Аль? — устало поинтересовалась Санька.

— Я их приручу, мам. Ты что, не знаешь, что их приручить можно?

— С чего ты решила, что можно?

— На юннатской станции рассказывали...

Улица Туполева уперлась в завод и распалась, как река, на два рукава. «Уазик» свернул вправо, задержался на заправке, после чего продолжил путь на восток. Санька страшно боялась, что денег на бензин не хватит, а терминал выдаст злорадное: «На вашем счету недостаточно средств», но все обошлось. Даже на пятилитровку питьевой воды осталось.

Потянулись вдоль дороги дачные поселки.

Сначала машин встречалось довольно много. Саньку то и дело кто-то обгонял — она плелась на шестидесяти, уж слишком крута и извилиста была дорога. Потом, когда осталось за спиной небольшое курортное озеро, проезжая часть почти полностью опустела.

Дачи кончились. По обеим сторонам раскинулись поля. В открытое окно густо пахнуло донником. Смеркалось. Свет фар скользил по широким листьям ошетилившегося возле обочин борщевика. Бледный туман собирался в канавах и низинах, вытекал на дорогу светлыми лентами.

Альбинка мирно спала на заднем сиденье. Машину качало на выбоинах, пришлось сбавить ход. Эту дорогу, похоже, давно не ремонтировали.

Тишина и пустота умиротворяли, успокаивали.

Они далеко от Андрея...

Санька не могла забыть его покрасневшие от ярости и алкоголя глаза, когда он замахнулся на нее. И ударил. Она даже не поняла, за что. Хотя когда мужу нужны были для этого причины?

Дорога вильнула и погрузилась в лес. Стало еще темнее. Где-то вдалеке заунывно провыла сирена гаишников. Чего они тут забыли? В этом захолустье? Гонщиков, наверное, ловят. Санька слышала про таких — собираются на пустынных дорогах и гоняют друг с другом на деньги. Не попасться бы им на пути — сметут.

Вдруг впереди, прямо на дороге, задвигалось что-то большое и черное.

От неожиданности Санька резко нажала на тормоз, и машина, взвизгнув, встала как вкопанная.

Фигура на пути двинулась, поплыла к краю асфальта темным облаком на длинных ногах-колоннах. Бесшумно, тихо, плавно. Заметив Санькин взгляд из-за лобового стекла, встала и тоже посмотрела.

— Ма-а-ам, что случилось? Почему мы не едем? — сонно протянула с заднего сиденья проснувшаяся Альбинка.

Резкое торможение разбудило ее. Девочка терла глаза и тревожно вглядывалась в разбитые угловатым светом фар сумерки.

— Тс-с-с, Аль... — Санька прижала палец к губам и приглушила свет. Прошептала дочери: — Смотри. Лось.

— Ух, какой! — восторженно воскликнула та и тут же зажала ладошкой рот, добавив одними губами: — Сними его на телефон, мам.

Лось стоял совсем рядом с машиной, длинноногий, шоколадно-гнедой, с крутой высокой холкой, с косматой бородкой, с новенькими рожками в пушистом бархате, короткими и неострыми. В его темных глазах плясали серебристые искры, отчего казалось, что в глубине черных горизонтальных зрачков притаился целый космос.

Санька послушно потянулась за телефоном, лежащим на соседнем сиденье, но отчего-то так растерялась, что выронила его. Гаджет упал под ноги, куда-то под педали, пришлось лезть за ним...

Когда смартфон наконец нашелся, лось уже простыл и след.

— Ну, ма-а-ам-а-а, — разочарованно хныкнула Альбинка. — Лось ушел.

— Не расстраивайся, встретим другого. Тут везде лес. И везде лоси. Наверное... — неуклюже успокоила дочку Санька. — Нам еще долго ехать. Спи.

Фары зажглись, машина тронулась.

Дорога запетляла сильнее прежнего.

Санька тревожилась — если так пойдет и дальше, до Полянкино они доберутся гораздо позже, чем она рассчитала.